

трафаретная постановка „Ревизора“ до такой степени была оскормлена, что интересно (хотя и неожиданно) было видеть ряд картин, совершенно заново и с большой фантазией написанных Н. Н. Арбатовым. Тут было все ново, все своеобразно, начиная с городничего, который, вопреки традициям, выходит в домашней тужурке, вместо мундира, и кончая обстановкой его дома. Новъ былъ и самъ городничій, и всѣ чиновники, и Осипъ, и Хлестаковъ... И не только они были новы потому, что дѣйствие было перенесено подъ благословенное небо Украйны, но и потому, что они очень самостоятельно продумали свои роли.

У малорусскихъ актеровъ „Ревизоръ“—веселый гениальный фарсъ. Г. Клодницкій—Хлестаковъ, быть можетъ, подобно Дюру, весьма поверхностный, слишкомъ ломающійся и вертлявый, но по водевильному à la Дюръ—забавенъ. Прекрасная Марья Антоновна—г-жа Зарницкая. Чудесная мимика, отличныя манеры, тонкость интонацій. Г. Манько играетъ Осипа по традициямъ русской сцены—серьезнымъ комикомъ, такъ же какъ и Сусловъ—городничаго.

Второй планъ, конечно, слабоватъ, но играютъ „лихо“ и жартуютъ напрапалую.

* * *

Театръ Комиссаржевской. „Ревизоръ“ на украинскомъ языкѣ, поставленный О. З. Сусловымъ, идетъ, вопреки прежнимъ предсказаніямъ, съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Прежде всего, въ настоящее время для всѣхъ совершенно очевидно, что постановка комедіи Гоголя на украинскомъ языкѣ не представляетъ собой ничего неестественнаго. Хлестаковъ, если-бы онъ попалъ въ любой изъ уѣздныхъ городовъ Украйны, натолкнулся бы, именно на такіе типы, слышалъ-бы, пожалуй, такой же языкъ и, если-бы онъ самъ былъ изъ этихъ мѣстъ, то и говорилъ-бы такимъ же точно языкомъ или, по крайней мѣрѣ, съ такимъ же акцентомъ. Переводъ, въ этомъ отношеніи, приблизительно вѣрно передалъ разговорную рѣчь круга чиновничьей интеллигенціи, которая должна быть чѣмъ-то среднимъ между народной рѣчью и рѣчью литературной. Нѣкоторыя увлеченія или вѣрнѣе ошибки перевода, впрочемъ, слѣдовало бы исправить. Къ чему, на примѣръ, кое-кто изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: „гасопус“ вмѣсто „газета“? „Папиръ“ вмѣсто „бумага“? А непонятнѣе всего переводъ цитаты изъ Державина. Вмѣсто стиховъ „О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человекъ“, вдругъ прозвучалъ со сцены: „О ты що въ горести дарма на Бога ремствуешь, людина“... Къ чему и на какомъ основаніи? Но эти мелочи ни сколько не испортили общаго хорошаго впечатлѣнія изъ новой постановки. Старая,